

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 159–165

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 159–165

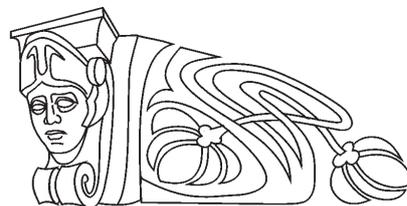
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-159-165>, EDN: EVXWQX

Научная статья

УДК 821.161.1.09(470.44-25)+929

История Саратовской ассоциации пролетарских писателей: от периода формирования к конфликту

А. В. Хрусталева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Хрусталева Анна Владимировна, доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, tevlin1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

Аннотация. Своеобразие саратовского литературного процесса 1920-х гг. обусловлено недостаточностью местного бюджета для реализации культурных инициатив, низкой скоростью документооборота и замедленным темпом реализации культурных проектов. Саратов выполнял в рассматриваемое время роль территории-буфера, куда попадали столичные деятели, подозреваемые в инакомыслии. В провинциальный город были командированы лица, замеченные в сочувствии политической оппозиции и формализму. Предполагалось, что неспешная региональная жизнь заставит критиков Г. Лелевича и В. П. Друзину эволюционировать в сторону большей политической лояльности по отношению к генеральной линии ВАПП, а архивиста, библиографа, первого руководителя Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанова отвлечет от интереса к меньшевизму. По традиции, установившейся в 1920-е гг., все сосланные (по некоторым документам они официально именовались командированными) принимали участие в консультировании САПП (позднее – СарРАПП). История САПП распадается на два этапа: период формирования (1924–1927 гг.), когда бывшие участники Пролеткульта окрепли и почувствовали силу собственного литературного голоса, и зрелый (после 1928 г.), когда в организации начались социальные, личностные и литературные конфликты, связанные в том числе и с деятельностью командированных лиц. Впервые для реконструкции истории САПП саратовские источники дополнены документами Отдела рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького и личными письмами из фондов Российской национальной библиотеки. Впервые установлено пребывание в САПП Д. Б. Рязанова, а также показано, что суть конфликта сводилась к противостоянию академической и писательской групп в САПП.

Ключевые слова: Пролеткульт, ВАПП, САПП, Г. Лелевич, Д. Б. Рязанов, И. Машбиц-Веров, В. П. Друзин

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00394 ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.»).

Для цитирования: Хрусталева А. В. История Саратовской ассоциации пролетарских писателей: от периода формирования к конфликту // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 159–165. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-159-165>, EDN: EVXWQX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The history of Saratov Association of Proletarian Writers: From the period of formation to the conflict

A. V. Khrustalyova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Khrustalyova, tevlin1982@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9015-2523>

Abstract. The peculiarity of Saratov literary process of the 1920s is determined by the facts that the local budget was insufficient to implement cultural initiatives, by slow paperwork, and by the creeping pace of accomplishing cultural initiatives. At the time in question Saratov played the role of a buffer territory, where all public figures from the capital suspected of non-conformism were sent. Thus, people noticed to be politically pro-opposition and favoring formalism, were delegated to the provincial town. It was presumed that the slow-paced life in the region will compel the critics G. Lelevich and V. P. Druzin to become more politically loyal towards the strategic direction of VAPP (All-Soviet Association of Proletarian Writers); and D. B. Ryazanov, an archiver, bibliographer, the first head of the Institute of K. Marx and F. Engels, would be distracted from his interest to Menshevism. According to tradition established in the 1920s, all the exiled (in some documents they were officially on business-trips) took part in counselling SAPP (Saratov Association of Proletarian Writers), later SARRAPP (Saratov Division of the Russian Association of Proletarian Writers). The history of SAPP falls into two periods: the period of formation (1924–1927) when the former members of Proletkult became stronger and felt the power of their literary voice, and the mature one (after 1928), when the organization faced social, personal and literary conflicts, among other things related to the activity of the people exiled to Saratov. For the first time, Saratov sources are complemented by the

documents from the Department of manuscripts of A. M. Gorky Institute of World Literature and by personal letters from the archives of the Russian national library in order to recreate the history of SAPP. D. B. Ryazanov's attendance of SAPP has been first established. It has been first shown that the essence of the conflict in SAPP is confined to the opposition of the groups of academics and writers.

Keywords: Proletkult (Proletarian culture), VAPP (All-Soviet Association of Proletarian Writers), SAPP (Saratov Association of Proletarian Writers), G. Lelevich, D. B. Ryazanov, I. Mashbiz-Verov, V. P. Druzin

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00394 «“Verbatim record“: Politics and literature. A digital archive of literary organizations of the 1920–1930s»).

For citation: Khrustalyova A. V. The history of Saratov Association of Proletarian Writers: From the period of formation to the conflict. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 159–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-159-165>, EDN: EVXWQX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История саратовского отделения Ассоциации пролетарских писателей является одной из наименее исследованных тем, имеющих отношение к пореволюционному Поволжью. При наличии значительного количества работ по литературной жизни 1920-х гг. [1–3], а также – более детализированно – по саратовским реалиям [4–7], в полном объеме не приводимых в настоящей статье, так как они рассмотрены в публикации современного исследователя [8], лишь в 2009 г. вышла хрестоматия [9], являющаяся прологом к изучению жизни и деятельности рядовых участников САПП. В целом, наши первичные и вторичные источники по истории саратовской литературы изобилуют неточностями, например, ошибочно приводятся фамилии (Скосырев) [10, с. 75], что требует дальнейшей работы, связанной хотя бы с составлением биографий участников организации. Для понимания истории САПП необходимо выявить контекст, в котором организация возникла и развивалась.

История САПП отражает общие особенности провинциальной литературной ситуации после 1917 г. В связи с традиционно малым региональным бюджетом, который не обеспечивал возможность осуществления культурной работы в объеме, сопоставимом со столичным, а также низкой скоростью документооборота воспроизведение знаковых для общереспубликанской литературной жизни событий в Саратове происходило с опозданием.

Практически на всей территории губернии институт государственной цензуры оформился позднее, чем в Москве. Отставание институционализации цензуры в зависимости от условий конкретного уезда занимало вплоть до полутора лет. В связи с этим даже после 1924 г., как указано в архивном источнике, «иногда ставят пьесы, не пропущенные Гублитом, откуда их берут, неизвестно» [11, л. 33]. Ряд саратовских произведений направлялся в столицу с пропуском надлежащих цензурных звеньев и без ведома ответственных лиц. В 1928 г. на территории губернии распространялись книги с компли-

ментарными замечаниями о литературных и ораторских достоинствах Л. Д. Троцкого.

К характерным провинциальным особенностям, с которыми город входил в послереволюционную реальность, можно отнести более тонкий слой литературной творческой интеллигенции, чем в центре, и практически полное отсутствие попутничества как консолидированного литературного движения. В Саратове 1920-х гг., даже учитывая фигуру П. Скосырева, ставшего после отъезда секретарем Всероссийского союза писателей, трудно назвать литературного деятеля, который мог бы выполнять функции не номинального, а действительного лидера попутчиков. Среди тех писателей, которые гипотетически могли бы создать и сплотить в Саратове литературную организацию (оставляя за пределами исследовательского интереса ее политическую ориентацию), уместно назвать Л. Гумилевского и М. Зенкевича. Экспериментатор, авангардист Гумилевский издал в Саратове несколько рассказов, пьесы «Владыка мира» (1921) и «Хлеб» (1921), роман «Эмигранты» (1922), но он покинул город уже в 1923 г. Так, и сборник стихов «Пашня танков» (1921) бывшего соучредителя «Цеха поэтов» Зенкевича, оставившего Саратов в том же году, что и Гумилевский, – чуть ли не единственная его книга, вышедшая на территории региона.

С 1918 г. в городе находился А. Д. Скалдин, автор мистико-авантюрного романа «Странствия и приключения Никодима Старшего». По мнению исследователей, его книга оказала влияние на замысел «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова. Скалдин явно выделялся на провинциальном фоне и одаренностью, и превосходным знанием нескольких языков, включая латынь. Но уже в 1922 г. при участии Л. Котомки на него было подано заявление в специальные органы, ставшее сначала причиной ареста, а затем травли. Скалдин был арестован, вскоре уехал из Саратова в Петроград. Таким образом, мы не найдем и этого автора в составе организации, конкурирующей с саратовскими пролетарскими писателями.

Не приходится говорить и о значимом влиянии литераторов, тематически, идейно и художественно способных отразить сферу интересов и быта крестьянства. Выпустивший книги «Зарево» (1918), «Дулейка» (1920), «Снегурочка» (1920), «Березка» (1920) П. В. Орешин, знавший сельскую жизнь, покинул Саратов уже в 1921 г. Из описанных в науке к настоящему времени [12] основных сил литературного процесса – пролетарского авангарда, союзников (крестьянские писатели и пр.), попутчиков, а также «новой буржуазии» – в городе можно было обнаружить в значимом объеме и виде литературной институции только ЛЕФ и пролетарских авторов. Литературную жизнь НЭПа до 1927 г. фактически определил Пролеткульт. История САПП, показанная далее, – опыт поэтапного вытеснения идеологии Пролеткульта через предварительное слияние с ним.

Саратовский Пролеткульт возник как литературная студия в 1918 г. В январе 1919 г. номинально в студии обучались 100 человек, фактически, по разным данным, постоянно посещали занятия от 30 до 60. Плоды пролеткультовского творчества сохранились на страницах журнала «Горнило», увидевшего свет в июле 1918 г., и в сборниках «Взмахи», первый выпуск которого появился в декабре 1919 г. В целом, определяющей литературной традицией для пролеткультовцев Саратова было творчество поэтов «Кузницы».

Литературная деятельность организации финансировалась отчислениями от профсоюзных членских взносов и субсидиями Наркомпроса. Местный Пролеткульт поддерживал установку на независимость пролетарской культурной работы от государственных и партийных органов. По воспоминаниям писателя, публициста, критика, постоянного автора издания «Саратовский дневник» Н. М. Архангельского, саратовский Пролеткульт подражал автономному культурничеству Москвы. Архангельский подчеркивает в своем дневнике то характерное обстоятельство, что для местного пролеткультовского отделения не был авторитетен Отдел народного образования (Губоно), структура, которая во время описываемых событий (1918 г.), в условиях отсутствия Гублита, Губполитпросвета и других организаций, была наделена функциями государственного контроля над литературной жизнью: «Между Пролеткультом и Отделом народного образования идет борьба. Вчера она вылилась в безобразный скандал. В 3 часа дня в Народном Дворце назначена была от Отдела народного образования публичная лекция Арановича... Сцена оказалась занята деятелями Пролеткульта» [13, с. 20].

То же стремление контролировать литературную жизнь города наблюдалось и спустя несколько лет. Как пишут авторы книги «Гу-

бернская власть и словесность»: «В 1925 г. ... в Саратове именно Пролеткульт ведает всеми вопросами литературно-художественного порядка» [4, с. 20]. Членам САПП рекомендовали приходиться «учиться у мастеров слова».

В Саратове художественное творчество нашло существенную поддержку в профсоюзах. В 1926 г. 59 из 66 губернских клубов принадлежало профсоюзам и находилось на их содержании [14]. (Иногда в исследовательской литературе приводятся данные о большем количестве клубов, обычно это связано с включением в общее число красных уголков.) Члены профсоюзов платили взносы, десять процентов от них ежемесячно отчислялось на культуру, в том числе и на нужды книгоиздания. Финансовый поток из Москвы был почти в десять раз меньше собранного профсоюзами: в 1926 г. центральные органы обеспечивали саратовскую культурную жизнь в размере 19 тыс. 179 руб. 79 коп. в год, тогда как профсоюзы отчисляли в местный бюджет на культуру не менее 17 тыс. руб. ежемесячно [15]. Таким образом, не только инструкции местных политпросветов, но и профсоюзы и кооперативы могли определять фактическое содержание культурных мероприятий [16], поскольку ставка делалась на их самокупаемость (в случае планируемого кассового сбора) и развлекательность. Закономерно, что лица, занимающиеся просвещением в профсоюзах с малым процентным содержанием в коллективе коммунистов, ориентировались в большей степени на актуальные запросы и вкусы своих работников, а не на пролетарские идеологические ценности.

Очень важно отметить, что на протяжении всего периода формирования САПП, рассматриваемого далее, у авторов, входивших в организацию (в том числе, например, М. Дупленко), были лишь разрозненные публикации, но не было изданных в Саратове книг. На наш взгляд, это говорит о том, что финансирующие органы (в том числе представители профсоюзов) не захотели заниматься вопросами книгоиздания сапповцев, так как вплоть до 1927 г. организация только набирала авторитет.

Как и в центре, в провинции оставалось значительное количество «бывших людей» [17], идеологически не ассимилированных в полной мере советской властью, но в Саратове представители этого слоя не обладали способностью вести за собой массы. На уровне лекционных выступлений более или менее успешным среди таких деятелей можно считать Л. А. Словохотова, бывшего товарища прокурора, сына протоиерея Оренбургской епархии. У нас нет сведений о наличии у Словохотова достаточного количества идейных последователей, которые бы сделали его серьезным оппонентом САПП.

В своем труде «О классиках русской литературы» (1927) Словохотов с позиций социологизаторства выступил адвокатом Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и других классиков, заявляя, что русская литература вполне пригодна для целей воспитания пролетариата. После выхода книги появилось немало отрицательных отзывов, например статья саратовца В. Ф. Бабушкина «Попытка с негодными средствами» [18], где автор справедливо указал, что малообразованный саратовский рабочий не сможет прочитать 195 страниц текста со ссылками на древнегреческих авторов, человек же широкого кругозора уже знаком с описываемым в книге.

Стиль пролетарских авторов в саратовских работах (например, А. А. Курчавова и Г. Лелевича) был лишен полемического накала в сравнении с напостовскими московскими работами по причине отсутствия стоящего временных и эмоциональных затрат оппонента. Количественные характеристики саратовского литературного фронта дополнительно характеризует то, что в ранее упомянутой группе ЛЕФ состоял чуть ли не один человек, и в 1927 г. в отчете АПО указывается, что группа не оформлена [19]. Таким образом, представлять саратовскую литературную ситуацию в виде борьбы оппозиционно настроенных институций невозможно.

По версии первых «летописцев», допустивших большое количество неточностей, в 1923 г. члены саратовского Пролеткульта Л. Борзов и Н. Иванов под руководством очеркиста, комсомольского лидера А. А. Курчавова составили ядро саратовской группы пролетарских авторов «Октябрь» [9, с. 78]. Эта версия ошибочна. Фактически группа «Октябрь» возникла в апреле 1924 г., что подтверждается сведениями саратовских средств массовой информации.

На общем собрании литстудии Пролеткульта 4 апреля 1924 г. был заслушан доклад В. Михайловича о необходимости создания местной ассоциации пролетарских писателей и поэтов. Было принято постановление об объединении пролетарских литературных сил в целях более организованной и успешной борьбы с буржуазной идеологией. В газете «Саратовские известия» от 9 апреля сообщалось, что объединение пролетарских писателей будет группироваться около основного ядра литстудии саратовского Пролеткульта, а 5 августа было опубликовано объявление, свидетельствующее об отсутствии идеологических разногласий между саратовским Пролеткультом и группой «Октябрь».

Итак, история САПП как объединения, вобравшего в себя кадры местного Пролеткульта и саратовской группы «Октябрь», с отставанием на год и месяц воспроизводит события литера-

турной жизни Москвы, где в марте 1923 г. оформилась МАПП. Отмеченное выше изменение реальной даты создания саратовской группы «Октябрь» с 1924 г. на 1923 г., зафиксированное нами в источнике 1932 г., могло преследовать задачу демонстрации большей политической чуткости «Октября» и связи местных литературных сил со столичным идеологическим фронтом. Но также оно могло быть обусловлено и желанием В. Бочкарева и И. Пехтелева, являющихся, скорее всего, авторами первой теоретической работы о САПП 1932 г. (они скрываются за инициалами), подчеркнуть «первородство» «Октября» по отношению к другой группе писателей. Из целого ряда источников становится очевидно, что «Октябрь» не был единственным объединением, претендовавшим на гегемонию в литературной жизни. Проследить историю конкурентов, к сожалению, крайне трудно, так как обнаруживаются лишь лаконичные свидетельства о распаде конкурирующих групп к моменту объединения Пролеткульта с «Октябрем».

Устав САПП был принят 28 января 1925 г. В организацию, помимо упоминавшихся в связи с группой «Октябрь» Борзова, Иванова и Курчавова, вошел более известный в Саратове прозаик В. Ф. Бабушкин. Его рассказ «На охоте» опубликовали к тому моменту ведущие саратовские средства массовой информации. На протяжении 1920-х гг. он был одним из самых часто печатаемых авторов: так, с марта по апрель 1926 г. в «Саратовских известиях» вышла повесть «Репьи».

С 1924 г. основным периодическим изданием, где публиковались отчеты САПП, стала газета рабоче-крестьянской молодежи «Большевикский молодняк», являвшаяся официальным изданием Саратовского губернского комитета ВЛКСМ. Предпочтительной формой работы были избраны вечера самокритики, проходившие по понедельникам и предполагавшие чтение и разбор собственных произведений.

Вокруг газеты сгруппировались комсомольские и пионерские литературные силы. Было отведено место под литературный уголок, а также публиковались ответы на письма и разбор произведений, присланных в редакцию. Первое крупное мероприятие САПП – вечер памяти С. Есенина – было проведено 7 января 1926 г. Среди других мероприятий 1926 г. в газетах упоминаются выступление в Саратове в клубе «Труд и наука» известных пролетарских поэтов А. А. Жарова и И. Молчанова, а также несколько диспутов о современной литературе, один из которых был посвящен роману Ф. В. Гладкова «Цемент».

О факте существования САПП ведущее периодическое издание города «Саратовские

известия» упоминает в 1926 г. лишь два раза. В 1927 г. мероприятия САПП посещало уже около 1000 человек в месяц [20]. Причину подобного повышения интереса массового читателя к деятельности организации можно связать с общим ростом политического влияния ВАПП.

В 1927 г. заканчивается первый этап истории саратовской АПП, который необходимо выделить, так как с 1924 по 1927 г. произошло четырехкратное увеличение личного состава организации, закрепление ее официального устава и неофициальной иерархии внутри нее. В январе 1926 г. в организации состоит 11 человек, через год – уже 22 представителя, спустя еще шесть месяцев, в июне 1927 г., в ней числится 42 участника (24 саратовских, 4 в Сердобске, 9 в Вольске и 5 в Петровске). Однако заметный рост САПП и ее влияние на литературную жизнь Саратова нужно связать не с внутренними факторами, а с внешними – прибытием литературного «подкрепления» из центра. В 1926 г. в Саратов приехал изгнанный из руководящих органов ВАПП Г. Лелевич.

Приезд Лелевича обновил литературную жизнь города: стала избыточной установка на необходимость учебы в Пролеткульте у «мастеров слова». Закат саратовского Пролеткульта начался в 1927 г.: последнее упоминание литературной студии организации датируется в архивном документе 28 июня 1927 г. Стремительное вытеснение Пролеткульта объясняется тем, что «произошел поворот от внутреннего собирания к внешней вербовке и росту» [21]. Внешняя вербовка на деле представляла собой регулярную агитационную деятельность Лелевича на культурных площадках города и губернии.

Представитель наиболее радикального крыла «наповоства», политический оппозиционер Лабори Гилелевич Калмансон (псевдоним Г. Лелевич) оказался в ссылке наряду со многими активистами, замеченными во фракционной деятельности, после XIV съезда партии. За участие в ленинградской оппозиции и в связи с радикальными заявлениями о нежелании солидаризоваться с попутчиками в 1926 г. Лелевич был переведен в Саратов как регион, специально предназначенный для политической ссылки.

Находясь в Саратове, Лелевич являлся членом губернского суда. С 1 января 1927 г. по 1 декабря 1928-го работал доцентом кафедры истории русской литературы педагогического факультета Саратовского университета. Он был исключен из членов ВКП(б) 2 января 1928 г. как оппозиционер и отстранен от занимаемой должности доцента СГУ 1 декабря 1928 г. по предъявлению обвинения в преступлении, предусмотренном п. 10 ст. 58 УК РСФСР. Деятельность Лелевича уже

стала предметом изучения, поэтому далее остановимся лишь на том, что еще не было акцентировано в существующей литературе [21–23].

Даже при самом беглом знакомстве с материалом очевидно, что лекционная работа литератора в Саратове выходила за пределы программы для руководителей (так называли руководителей) кружков САПП, рекомендуемой центральными органами. Курс, прочитанный для САПП в течение 1927 г., был авторским, независимым от вапповских циркуляров, и нужно всемерно подчеркивать для установления в исследовательской литературе ясности: Лелевич не был просто «гостем», он стал интеллектуальным центром саратовской организации. Для САПП им было разобрано более 10 тем, связанных с социальным назначением искусства, личностью художника и класса, содержанием и формой художественной литературы, словесным материалом и изобразительными средствами, основами стихосложения, развертыванием сюжета и др. Разрозненные упоминания о деятельности Лелевича, найденные в мемуарах и автобиографических документах, свидетельствуют об исключительно высокой оценке лектора представителями научной общест-венности [5].

1927 г. оказался отмечен ростом культурного уровня САПП: на страницах «Большевистского молодняка» появилась постоянная литературная консультация ассоциации, ее члены вступили в диалог с центральными органами ВАПП. В январе 1927 г. в городе выступил В. Маяковский, 4 и 7 февраля 1927 г. состоялась встреча с И. Уткиным. В июне того же года в Саратов прибыл соратник Лелевича по радикальному наповостовству А. Безыменский. Широкое освещение в газетах получило другое мероприятие 1928 г. – литературный вечер с участием И. Молчанова.

Важным событием марта 1928 г. стала Первая поволжская конференция пролетарских писателей, на которую саратовцы прибыли с самым большим по Поволжью количеством решающих голосов. Решающий голос принадлежал В. Бочкареву, П. Нагулевичу, Л. Борзову и А. Курчавову. Несмотря на видимое благополучие, в рядах организации тем временем уже зрел конфликт, во многом обусловленный разностью социального положения, происхождения и академического потенциала участников.

Отметим как важную особенность в связи с этим, что САПП, в отличие от организаций из промышленных регионов (Ленинграда, например), не имела возможности обеспечить пролетарскую «чистоту» своего состава. Небольшое общее количество рабочих в городе не имело к моменту основания, в 1924 г., тенденции к росту [24]. По своему духу к 1930 г. САПП была

организацией, представленной не только и не столько рабочими, сколько контрапунктом двух несмыкающихся направлений – лиц, настроенных на общественно-политическую карьеру, и участников с университетским образованием, последовательно выстраивающих карьеру академическую.

Начало реконструктивного периода остро поставило вопрос о социальной активности местных ассоциаций и процентном содержании рабочих в их составе. После Первого Всесоюзного съезда пролетарских писателей ВАПП был реорганизован в ВОАПП (Всесоюзное объединение Ассоциаций пролетарских писателей). Были выдвинуты лозунги о необходимости более пристального внимания пролетарских писателей к производству, в связи с чем деятельность САПП подверглась резкой критике Москвы. Одно из направлений этой критики – призыв ударников – заставляет провести дополнительный анализ источников. Из выступления на Пленуме РАПП в декабре 1931 г. Д. Б. Рязанова (первого руководителя Института Маркса и Энгельса, отправленного в Саратов за якобы сочувствие меньшевизму) следует, что в Саратове было призвано более 100 ударников. Можно назвать другие регионы с аналогичным или даже меньшим числом призванных. Таким образом, критика невыполненных директив была, с нашей точки зрения, камуфляжем недовольства другими явлениями внутри САПП.

После прошедшего в ноябре 1928 г. съезда нижеволжских АПП САПП покинула пятая часть участников, недовольная расслоением внутри организации. Второй, зрелый этап существования организации (с 1928 г.) отмечен множественными конфликтами. В 1929 г. Курчавов был выведен из состава правления САПП [25]. Печатный орган «Молодой ленинец» в это время призывал к восстановлению литературной работы, налаживанию связи со сталинградской и астраханской организациями, проведению чистки состава и перерегистрации кружков и АПП в крае.

29 февраля 1928 г. было открыто Саратовское общество литературоведения, поддержку ему оказывал ректор Саратовского университета С. З. Каценбоген. Академическое направление саратовской АПП, опирающееся на работу этого общества, к 1930 г. было представлено И. М. Машбиц-Веровым, И. Г. Пехтелевым, В.А. Бочкаревым и В. П. Друзиным. Железнодорожный рабочий Иванов и комсомольский лидер Курчавов, представлявшие исконное ядро САПП, не ассоциировали себя ни с академическим литературоведением, ни с наукой в каком-либо виде. К 1930 г., таким образом, уже существовало противостояние между прибывшими в Саратов В. П. Друзи-

ным и И. М. Машбиц-Веровым, с одной стороны, и первоначальным составом, с другой.

В. П. Друзин оказался в Саратове после исключения из ЛАПП в связи с формалистским прошлым. В 1931 г. в Саратове в соавторстве с М. Бродским-Красновым Друзин выпустил книгу «Краткий очерк истории русской литературы XIX и XX веков», изъятую впоследствии цензурой. Во время второго пленума РАПП в феврале 1931 г. А. Курчавов обвинил Друзина в следовании идеям Г. Е. Горбачева, так называемой «контрабанде» в литературоведении. Друзин, начав работу в Саратове в 1930 г, уже в 1931-м не только выпустил огромным для провинциального города тиражом в 10.000 (по другим сведениям, 20.000) экземпляров книгу по истории литературы, но он еще и претендовал на то, что по его пособию должны заниматься красноармейцы.

Таким образом, образовался «триумvirат» из сторон, претендующих на влияние в САПП – приезжие Друзин и Машбиц-Веров (имевшие теоретические разногласия между собой), ученики саратовского профессора Скафтымова (Бочкарев и Пехтелев) и комсомольско-партийный внеакадемический актив организации. История взаимоотношений всех трех сторон кратко изложена в переписке Друзина с профессором В. В. Бушем, находившимся в Саратове до 1931 г. Машбиц-Веров вел себя очень агрессивно, полагая себя достойным занять не только место заведующего кафедрой, но и руководителя отделением. Ситуация осложнялась тем, что Скафтымов не имел тогда большого влияния на студенчество, его ученик Бочкарев даже временно принял сторону Машбиц-Верова.

Редакция издания «Молодой ленинец», ставшего официальным печатным органом Нижне-Волжского бюро ЦК ВЛКСМ, к этому времени начала противопоставлять себя АПП и демонстрировать приоритетную роль комсомола в культурном строительстве. Таким образом, суть противостояния, на наш взгляд, ясна и отражает общую тенденцию по стране – комсомольцы против «приват-доцентчины», как это формулировалось в то время. Конфликт принял настолько серьезный характер, что во время разбора книги Друзина авторам (она была написана, напомним, в соавторстве с Красновым) было предъявлено обвинение не просто в следовании идеям Горбачева, а в троцкизме. Описывая в 1931 г. Бушу все обстоятельства, связанные с выходом книги, Друзин предлагает ему воспринимать произошедшее как «развлечение». Тем не менее ректор университета Каценбоген, предварительно одобрявший книгу, счел необходимым оправдываться в связи с изданием рукописи. Далее дело дошло до оформления

документов для судебного разбирательства между руководителем издательства, где вышла книга, и редактировавшим ее Машбиц-Веровым, попытавшимся отказаться от какой-либо ответственности за свою правку. Отметим, что все задействованные в конфликте (Каценбоген как руководитель вуза, Машбиц-Веров, Друзин) после описанных событий покинули Саратов, видимо, понимая, что предъявленные обвинения в троцкизме выходят за пределы обычных университетских конфликтов.

Итак, в статье показано, что события центра воспроизводились в Саратове сначала с отставанием в пределах от года до полутора лет, а затем уже почти синхронно. Описанный нами саратовский конфликт был своеобразной копией московской дискуссии о роли комсомола между ВОАП и «Комсомольской правдой», также он был очевидным следствием отношения к Институту красной профессуры. Суть этого конфликта неизменна даже при перенесении в иные географические условия – это борьба за литературное влияние, включая и материальные факторы (редакционно-издательскую инфраструктуру, гонорары и тиражи), но, разумеется, не исчерпываемая ими.

Список литературы

1. Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М. : АИРО-XX, 1998. 204 с.
2. Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб. : Академический проект, 1997. 320 с.
3. Московская Д. С. Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 80–93.
4. Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е. Г. Елиной, Л. Е. Герасимовой, Е. Г. Трубецковой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 422 с.
5. Жуйкова А. Литературная жизнь Саратова первого октябрьского десятилетия (хроника) // Рожденные революцией. Сборник литературоведческих статей-очерков о писателях Поволжья / под ред. и со вступ. ст. П. Бугаенко. Саратов : Приволжское книжное изд-во, 1968. С. 220–237.
6. Жук А. Критика и литературоведение в Саратове за полвека // Рожденные революцией. Сборник литературоведческих статей-очерков о писателях Поволжья / под ред. и со вступ. ст. П. Бугаенко. Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1968. С. 237–250.
7. Демченко А. Литературная и общественная жизнь Саратова : из архивных разысканий. Саратов : ИЦ «Наука», 2008. 202 с.
8. Касович А. С. Книгоиздание в Саратовской губернии 1918–1928 гг. как объект научных исследований // Сфера культуры. 2022. № 1 (7). С. 75–87. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2022_7_75
9. Козулина М. В., Романенко А. П. Советская массовая поэзия. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. 238 с.
10. Рабочая книга по литературе народов СССР для VII гр. ФЗС и III гр. ШКМ / сост. В. Бочкарев, И. Кравченко, А. Медведев, И. Пехтелев ; под ред. А. П. Скафтымова. Саратов : Нижневолжское краевое изд-во, 1932. 87 с.
11. Саратовский губком ВКП(б). Материалы губернского совещания политпросветов // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 945.
12. Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М. : ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.
13. Архангельский Н. М. Дневник. 1918 // Саратовский областной музей краеведения. Ф. 15774/16.
14. Саратовский губком ВКП(б). Доклад для пленума губсовета. Докладные записки // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 110. Л.11.
15. Саратовский губком ВКП(б). Доклад для пленума губсовета... о состоянии профсоюзов в губернии // ГАНИСО. Ф.27. Оп. 4. Д. 110. Л. 29.
16. Хрусталева А. В. Профсоюзы и литературная политика в провинции периода НЭПа (к вопросу о становлении института цензуры) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 316–333. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-4-316-333>
17. Смирнова Т. М. Бывшие люди Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. М. : Мир истории, 2003. 296 с.
18. Бабушкин В. Ф. Попытка с негодными средствами // Саратовские известия. 1927. 25 сент. С. 2.
19. Саратовский губком ВКП(б). Протоколы, выводы по обследованию клубов // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 794. Л. 8.
20. Саратовский губком ВКП(б). План работы отдела, тезис к докладу о состоянии уездной печати и отчет о состоянии писательской организации губернии // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 974. Л. 8.
21. Саратовский губком ВКП(б). Протоколы заседаний Первой Поволжской конференции пролетарских писателей // ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 960. Л. 14–15.
22. Иванюшина И. Ю. Г. Лелевич // Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009 : Материалы к биографическому словарю / под ред. В. В. Прозорова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С.128–132.
23. Елина Е. Г. Три взгляда на литературу и революцию: Л. Троцкий, Вяч. Полонский, Г. Лелевич // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века : к 100-летию революции 1917 года, к 125-летию со дня рождения К. А. Федина / редкол. : И. Э. Кабанова (отв. ред., сост.) [и др.]. Саратов : ИЦ «Наука», 2018. С. 23–32.
24. Новинский В. Социальный и профессиональный состав населения гор. Саратова // Нижнее Поволжье. 1924. № 1. С. 82–85.
25. Протоколы заседаний секретариата РАПП // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. За. Л. 17.

Поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 30.01.2023